

По делу «О’Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства»

Европейский Суд по правам человека¹, заседая Большой Палатой в составе:

г-на Ж.-П. Коста, *Председателя Европейского Суда*,

г-на Л. Вильдхабера,
г-на Х.Л. Розакиса,
сэра Николаса Братца,
г-на Б.М. Зупанчича,
г-на Р. Тюрмена,
г-на В. Буткевича,
г-на Ж. Касадеваля,
г-на М. Пеллонпаа,
г-жи С. Ботучаровой,
г-на С. Павловского,
г-на Л. Гарлицкого,
г-на Х. Боррего Боррего,
г-жи А. Гюлумян,
г-жи Л. Мийович,
г-на Э. Мийера,
г-на Я. Шикуты, *судей*,
и г-на В. Берже, *Главного юридического советника Европейского Суда*,

проведя 27 сентября 2006 г. и 23 мая 2007 г. совещания по делу за закрытыми дверями, в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «О’ХАЛЛОРАН И ФРЭНСИС ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА» [O’HALLORAN AND FRANCIS V. THE UNITED KINGDOM]

(жалобы № 15809/02 и 25624/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

29 июня 2007 г.

Настоящее постановление вступило в силу, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№ 15809/02 и № 25624/02) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, заявленным в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) двумя подданными Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, г-ном Джерардом О’Халлораном и г-ном Идрисом Ричардом Фрэнсисом (*далее* — заявители) 3 апреля 2002 г. и 15 ноября 2001 г. соответственно.
2. Интересы заявителей, одному из которых Европейским Судом была предоставлена юридическая помощь бесплатно, представлял г-н Дж. Уэлч (общественная организация «Либерти», г. Лондон). Интересы властей Соединенного Королевства (*далее* — государство-ответчик) представлял Уполномоченный Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека, г-н Д. Уолтон из Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (г. Лондон).

3. Г-н О’Халлоран утверждал в своей жалобе, что он был осужден исключительно или главным образом на основании показаний, которые он был вынужден дать под угрозой наказания, аналогичного наказанию за совершение самого правонарушения. Г-н Фрэнсис утверждал в своей жалобе, что принуждение к даче показаний относительно правонарушения, в совершении которого он подозревался, нарушило его право не давать показания против самого себя. Оба заявителя при этом ссылались на положения пунктов 1 и 2 статьи 6 Конвенции.

4. Жалобы были переданы в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 26 октября 2004 г. жалобы были соединены в одном производстве, а 25 октября 2005 г. они были признаны приемлемыми для дальнейшего рассмотрения по существу Палатой указанной Секции, состоявшей из следующих судей Суда: г-на Ж. Касадеваля, сэра Николаса Братца, г-на М. Пеллонпаа, г-на С. Павловского, г-на Л. Гарлицкого, г-жи

Л. Мийович, г-на Я. Шикуты, а также г-на М. О’Бойла, Секретаря Секции. 11 апреля 2006 г. Палата уступила свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты; ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. 19 января 2007 г. срок полномочий г-на Вильдхабера на посту Председателя Европейского Суда истек. Его преемником стал г-н Коста, который стал и Председателем Большой Палаты по настоящему делу (пункт 2 правила 9 Регламента Европейского Суда). Г-н Вильдхабер и г-н Пеллонпаа продолжили заседать в Большой Палате после истечения срока их полномочий в соответствии с пунктом 7 статьи 23 Конвенции и пунктом 4 правила 24 Регламента Европейского Суда.
6. Оба заявителя и власти Соединенного Королевства представили в Европейский Суд письменные замечания по существу дела.
7. Слушание дела состоялось публично во Дворце правосудия (г. Страсбург) 27 сентября 2006 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В слушании дела приняли участие:

От редакции. По делу заявители — зарегистрированные владельцы автомобилей — жаловались на то, что требуемое по британскому закону предоставление ими сведений властям о лице, реально управлявшем автомобилем в момент, когда полицейская камера слежения зафиксировала превышение автомобилем установленной скорости (отказ предоставить такие сведения приравнивается к самому правонарушению и наказывается соответственно), является нарушением права не давать самообвиняющих показаний и так называемой привилегии против самообвинения, а тем самым и принципов справедливого судебного разбирательства, закрепленных в статье 6 Конвенции. Однако Большая Палата Европейского Суда большинством голосов сочла, что по делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 6 Конвенции. Двое судей выступили с энергичными и интересными особыми мнениями.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

(а) от государства-ответчика:

г-н Д. Уолтон, Уполномоченный Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека,

г-н Д. Перри, юрист,
г-жа Л. Кларк,
г-н М. Маги,
г-н Дж. Мур, советники;

(б) от заявителей:

г-н Б. Эммерсон, королевский адвокат, юрист,
г-н Дж. Уэлч, солиситор,
г-н Д. Фридман, советник,
г-н Дж. О'Халлоран,
г-н И. Фрэнсис, заявители.

Европейский Суд выслушал выступления г-на Эммерсона и г-на Перри, а также их ответы на вопросы, заданные судьями.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявители родились в 1933 году и 1939 году и проживают в г. Лондоне и г. Питерсфилде соответственно.

А. Г-н О'Халлоран (жалоба №15809/02)

9. 7 апреля 2000 г. в 4 часа 55 минут автомобиль с регистрационным номером Т61 ТВХ, зарегистрированным владельцем которого являлся заявитель, был заснят полицейской камерой слежения за движением на дорогах перемещающимся со скоростью 69 миль в час по шоссе М11, максимальная скорость передвижения по которому была временно ограничена 40 мильями в час.

10. 17 апреля 2000 г. подразделение по применению полицейских камер слежения за движением на дорогах полицейского управления графства Эссекс направило заявителю письмо следующего содержания:

«Я располагаю фотографическим доказательством того, что водитель автотранспортного средства с регистрационным номером Т61 ТВХ не выполнил требование об ограничении скоростного режима <...> В отношении водителя будет возбуждено производство за правонарушение, состоящее в несоблюдении скоростного режима <...> Вы были названы водителем автотранспортного средства в момент предполагаемого правонарушения и обязаны выполнить требования уведомления, содержащегося на странице 2. Должен предупредить Вас, что если Вы не выполните указанное требование в течение 28 суток, Вы совершите правонарушение и, в случае признания виновным, понесете ответственность, максимальный размер которой аналогичен размеру ответственности, предусмотренной за совершение самого вменяемого Вам правонарушения — штраф в размере 1000 фунтов стерлингов и начисление водителю от 3 до 6 штрафных баллов».

11. Приложенное уведомление о возбуждении производства повторяло информацию о том, что принято решение о возбуждении производства в отношении водителя автотранспортного средства. Заявителю предписывалось сообщить полное имя и адрес лица, управлявшего автотранспортным средством в соответствующий момент, или предоставить иную информацию, которую он в со-

стоянии предоставить и которая будет способствовать установлению личности водителя. Его вновь уведомили о том, что непредставление информации является уголовно наказуемым деянием в соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года [Road Traffic Act 1988].

12. Заявитель ответил на письмо, подтвердив, что именно он управлял автотранспортным средством в соответствующий момент.

13. 27 марта 2001 г. заявитель получил повестку с вызовом в магистратский суд Северного Эссекса, где было рассмотрено дело в отношении него о превышении установленной скорости движения на автомобиле. До начала разбирательства заявитель ходатайствовал об исключении из материалов дела своих признательных показаний, данных в ответ на уведомление о возбуждении производства. При этом он ссылаясь на положения статей 76 и 78 Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1988 года [Police and Criminal Evidence Act 1984] в совокупности с положениями статьи 6 Конвенции. В удовлетворении ходатайства было отказано на основании решения Тайного совета Соединенного Королевства¹, вынесенного по делу «Браун против Стотт» [Brown v. Stott] (Сборник решений судов Соединенного Королевства [WLR], 2001 год, том 2, с. 817). Впоследствии государственное обвинение обосновывало свою позицию фотографией нарушающего установленную скорость автотранспортного средства и признанием, полученным в ответ на требование в соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года. Заявитель был признан виновным и приговорен к уплате штрафа в размере 100 фунтов стерлингов, оплате судебных издержек в размере 150 фунтов стерлингов и начислению водителю шести штрафных баллов.

14. 11 апреля 2001 г. заявитель ходатайствовал перед магистратским судом о передаче дела в Высокий суд для получения мнения Высокого суда по делу:

«Должно ли было в обстоятельствах данного дела признание заявителя о том, что он действительно управлял автотранспортным средством, быть исключено из материалов дела в соответствии со статьями 76 и 78 Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1988 года в связи с требованиями Закона «О правах человека» и недавними постановлениями Европейского Суда, так как его обязали давать самоинкриминирующие показания?»

15. 23 апреля 2001 г. секретарь магистратского суда уведомил заявителя о том, что магистратский суд отказал в передаче дела в Высокий суд, так как по данному предмету уже имелось окончательное решение Тайного совета, вынесенное по указанному выше делу «Браун против Стотт», и решение Высокого суда, вынесенное по делу «Директор публичных преследований против Уилсона» [Director of Public Prosecutions v. Wilson] (Сборник решений Административного суда [EWHC Admin], 2001 год, с. 198).

16. 19 октября 2001 г. ходатайство заявителя о судебной проверке законности и обоснованности решения магистратского суда было отклонено.

В. Г-н Фрэнсис (жалоба № 25624/02)

17. Автомобиль, зарегистрированным владельцем которого был заявитель, был заснят полицейской камерой слежения 12 июня 2001 г. перемещающимся со скоростью 47

¹ Тайный совет [Privy Council] — орган советников британской короны. В старые времена Тайный совет был могущественным учреждением, в настоящее время — во многом церемониальный орган. Большинство полномочий имеют комитеты, главный из которых — Кабинет. Совет также выполняет судебные функции, которые в основном делегированы Судебному комитету (примечание редакции).

миль в час по участку с максимально разрешенной скоростью 30 миль в час.

18. 19 июня 2001 г. полицейское управление графства Суррей направило заявителю уведомление о возбуждении производства следующего содержания:

«В соответствии со статьей 1 Закона «О нарушителях правил дорожного движения» 1998 года [*Road Traffic Offenders Act 1988*] настоящим извещаю Вас, что рассматривается вопрос о возбуждении производства в отношении водителя автомобиля марки «Алвис» с регистрационным номером EYX 622 <...>

Это предполагаемое правонарушение подтверждается доказательством в форме фотографии/видеозаписи. Вы зарегистрированы в качестве собственника/владельца/водителя или пользователя вышеуказанного автотранспортного средства на момент предполагаемого правонарушения и обязаны предоставить полное имя и адрес лица, управлявшего автотранспортным средством в указанное время и в указанном месте. В соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» Вы должны представить указанную информацию в течение 28 суток после получения настоящего уведомления. Непредставление этой информации может привести к привлечению Вас к уголовной ответственности. Наказание в случае признания Вас виновным в непредставлении информации аналогично наказанию, предусмотренному за само правонарушение, то есть состоит в наложении штрафа и начислении штрафных баллов».

19. 17 июля 2001 г. заявитель в своем письме полицейскому управлению графства Суррей сослался на свое право не давать показания и привилегию против самообвинения.
20. 18 июля 2001 г. полицейское управление графства Суррей проинформировало заявителя, что в апелляционном постановлении по делу «Браун против Стотт» (Сборник решений судов Соединенного Королевства [*WLR*], 2001 год, том 2, с. 817) было установлено, что статья 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года не нарушает указанных прав.
21. Заявитель отказался представить затребованную информацию.
22. 28 августа 2001 г. заявитель получил повестку с вызовом в магистратский суд в связи с нарушением пункта 3 статьи 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года. Заявитель успешно ходатайствовал об отложении рассмотрения дела.
23. 9 ноября 2001 г. магистратский суд согласился вновь отложить рассмотрение дела, судя по всему, со ссылкой на намерение заявителя обратиться в Европейский Суд в Страсбурге. Заявитель обратился в Европейский Суд 15 ноября 2001 г., ссылаясь на пункты 1 и 2 статьи 6 Конвенции.
24. 8 февраля 2002 г. магистратский суд отменил решение об отложении рассмотрения дела и назначил его на 15 апреля 2002 г.; в этот же день заявитель был признан виновным и приговорен к штрафу в размере 750 фунтов стерлингов, оплате судебных издержек в размере 250 фунтов стерлингов и начислению водителю трех штрафных баллов. Он указал, что размер штрафа был значительно выше, чем размер штрафа, который был бы на него наложен, если он признал бы себя виновным в превышении скорости.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Законодательство о правилах дорожного движения

25. Статья 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года (*далее* — Закон 1988 года) устанавливает обязанность сообщать сведения о водителе автотранспортно-

го средства при определенных обстоятельствах. Пункт 1 статьи 172 данного Закона касается нарушений правил дорожного движения, к которым применима эта статья. К ним относится парковка на велосипедной дорожке (в соответствии со статьей 21 Закона 1988 года) и причинение смерти водителем по неосторожности (статья 1), нарушения правил, предусмотренные некоторыми другими положениями, включая превышение скорости и непредумышленное убийство водителем автотранспортного средства.

Пункт 2 статьи 172 Закона 1988 года предусматривает:

«В тех случаях, когда водитель автотранспортного средства подозревается в совершении правонарушения, к которому применима настоящая статья, —

(а) лицо, в чьем владении находится автотранспортное средство, представляет такие сведения о личности водителя, которые может запросить глава полицейского подразделения или иное лицо по его поручению, и

(б) при описанной выше необходимости любое иное лицо представляет любые сведения, которые оно в состоянии представить и которые могут способствовать установлению личности водителя».

Пункт 3 статьи 172 Закона 1988 года предусматривает:

«С учетом нижеследующих положений лицо, которое не выполнило требования пункта 2, признаётся виновным в совершении правонарушения».

Пункт 4 статьи 172 Закона 1988 года предусматривает:

«Лицо не признаётся виновным в совершении правонарушения в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 настоящей статьи, если оно докажет, что не знало и при принятии разумных мер не могло установить, кто был водителем автотранспортного средства».

26. Лицо, признанное виновным в совершении правонарушения в соответствии с пунктом 3 статьи 172 Закона 1988 года, может быть лишено водительского удостоверения или получить три штрафных балла; на него также может быть наложен штраф в размере, не превышающем третий уровень стандартной шкалы, то есть до 1000 фунтов стерлингов.
27. Пункт 1 статьи 12 Закона «О нарушителях правил дорожного движения» 1988 года предусматривает, что при упрощенном рассмотрении дела о соответствующем правонарушении, включая превышение скорости, письменные показания, подписанные обвиняемым в соответствии с пунктом 2 статьи 172 Закона 1988 года, о том, что он в соответствующее время управлял автотранспортным средством, могут приниматься в качестве доказательства этого факта.

В. Закон «О полиции и доказательствам по уголовным делам» 1984 года

28. Статья 76 предусматривает:

«(1) Признание, сделанное обвиняемым, может быть допущено в качестве доказательства против него в рамках какого-либо разбирательства, при условии, что оно имеет отношение к какому-либо вопросу, рассматриваемому в рамках разбирательства, и не было исключено судом в соответствии с настоящей статьей;

(2) Если в рамках какого-либо дела государственное обвинение ходатайствует о том, чтобы признание, сделанное обвиняемым, было бы допущено в качестве доказательства, и в суде было заявлено, что признание было или могло быть получено

путем принуждения сделавшего его лица; или после получения какой-либо информации или совершения каких-либо действий, которые, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, могли с большой долей вероятности привести к недостоверности какого-либо впоследствии сделанного им признания,

суд не допускает признание в качестве доказательства против него, за исключением случаев, когда государственное обвинение докажет суду вне всякого разумного сомнения, что признание (вне зависимости от его истинности) не было получено описанным выше способом».

29. Статья 78 предусматривает:

«В рамках какого-либо разбирательства суд может не допустить доказательства, которые государственное обвинение просит приобщить к материалам дела, если суду представляется, что с учетом всех обстоятельств, включая обстоятельства, при которых было получено доказательство, допущение доказательства окажет настолько негативное влияние на справедливость судебного разбирательства, что суд не должен допускать его».

С. Соответствующее национальное прецедентное право

30. В решении по делу «Браун против Стотт» (Сборник решений судов Соединенного Королевства [WLR], 2001 год, том 2, с. 817) Тайный совет рассматривал дело в отношении женщины, задержанной за кражу в магазине; рядом находился автомобиль, по всей видимости, ей принадлежавший. Анализ на предмет содержания алкоголя в крови дал положительный результат. С целью установления того, была ли она виновна в управлении автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения (в нарушение статьи 5 Закона 1988 года), полиция вручила ей уведомление в соответствии со статьей 172 того же Закона. Прокуратура положила ее признание о том, что она находилась за рулем, в основу обвинения в управлении автотранспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Высокий уголовный суд Шотландии удовлетворил апелляционную жалобу обвиняемой, прийдя к заключению, что обвинение не могло ссылаться как на доказательство на признание, которое ее вынудили сделать.

31. При рассмотрении апелляционной жалобы прокуратуры Тайный совет пришел к выводу, что использование признательных показаний не нарушило требований статьи 6 Конвенции. Лорд Бингэм, автор основного решения, среди прочего указал:

«Высокий уровень смертности и травматизма на дорогах, вызванный ненадлежащим использованием автотранспортных средств, является очень серьезной проблемой, общей почти для всех развитых обществ. Не приходится сомневаться в необходимости ее эффективного разрешения на благо общества. К способам, которые использовались и используются демократическими обществами для ее решения, относится установление для использования автотранспортных средств определенного режима правового регулирования и обеспечение его соблюдения посредством выявления, преследования и наказания нарушителей. Материалы <...> несмотря на свою неполноту, демонстрируют различные подходы к проблеме правоприменения. В некоторых пра-

вовых системах (в качестве примера можно привести Испанию, Бельгию и Францию) зарегистрированный владелец автотранспортного средства по умолчанию считается виновником незначительного нарушения правил дорожного движения, если он не докажет, что в соответствующий момент за рулем находилось иное лицо, или не приведет какого-либо иного основания для освобождения от ответственности. При наличии явного общественного интереса в обеспечении соблюдения законодательства о правилах дорожного движения основной вопрос в данном деле состоит в том, представляет ли собой статья 172 Закона 1988 года несоразмерный ответ или меру, нарушающую право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, если признание о нахождении за рулем становится основой обвинения в суде.

Что касается меня, то я не считаю, что статья 172 Закона 1988 года, примененная надлежащим образом, представляет собой несоразмерный ответ на эту серьезную социальную проблему; я также не думаю, что факт того, что признание обвиняемой по настоящему делу было положено в основу обвинения, нарушало бы ее право на справедливое судебное разбирательство. Я пришел к этому выводу по ряду причин:

(1) Статья 172 Закона 1988 года предусматривает ответ на один простой вопрос. Ответ на него сам по себе не может инкриминировать подозреваемого, так как управление автомобилем без сопутствующих обстоятельств не является правонарушением. Признание в нахождении за рулем может, конечно, как в настоящем деле, стать доказательством факта, необходимого для осуждения, но указанная статья не санкционирует продолжительных допросов относительно фактов, установление которых необходимо для преследования за уголовно наказуемые деяния, — именно такие допросы были по понятным причинам признаны неприемлемыми в постановлении Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» [Saunders v. the United Kingdom] — а наказание за отказ отвечать на этот вопрос не является суровым и связанным с лишением свободы. Ничто в настоящем деле не позволяет предположить ненадлежащее принуждение или давление, которые могли бы привести к недостоверности признания и тем самым к ненадлежащему отправлению правосудия, а если бы имелись доказательства таких действий, судья первой инстанции имел бы достаточные полномочия для того, чтобы исключить признание из числа доказательств.

(2) В то время как Высокий суд имел право провести различие <...> между ответом на вопрос в соответствии со статьей 172 Закона 1988 года и предоставлением образцов для анализа, и эти полномочия были подтверждены Европейским Судом в постановлении по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» <...> это различие, по моему мнению, не должно заходить слишком далеко. Действительно, ответ обвиняемой, данный в устной или письменной форме, создал бы новое доказательство, которое не существовало до того момента, как она его высказала или изложила письменно. Можно также признать, что процентное содержание алкоголя в ее крови, напротив, было фактом до того, как она подула в трубку анализатора уровня алкоголя. Но вся цель в предъявлении требования пройти анализ (под угрозой уголовного наказания в случае отказа) состояла в получении доказательства, не существовавшего до прохождения ею анализа, а полученных таким образом показаний было достаточно для признания водителя виновным в правонарушении при любых, кроме исключительных, обстоятельствах <...> сложно понять, почему требование ответить на вопрос вызывает возражения, а требование пройти анализ на содержание алкоголя в крови — нет. Тем не менее предъявленное к обвиняемой требование пройти такой анализ не подвергается никакой критике.

(3) Все, кто владеет или управляет автомобилем, знают, что тем самым они признают определенный режим регулирования. Этот режим действует не потому, что владение или управление автомобилем — это привилегия или льгота, даруемая государством, но потому, что владение автомобилями и их использование (как и в случае с огнестрельным оружием, например) общепризнанно могут приводить к причинению тяжелых телесных повреждений. Подпункт «b» пункта 2 статьи 172 Закона 1988 года может требовать ответа от «любого иного лица», о котором, если оно не является владельцем или водителем, можно сказать, что оно не соглашалось по умолчанию на определенный режим регулирования, но тот, кто не является владельцем или водителем, не сможет дать показания против себя, какой бы ответ он ни дал. Если при рассмотрении данной ситуации отдельно от сопутствующих обстоятельств будет задан вопрос о том, является ли статья 172 Закона 1988 года несообразным законодательным ответом на проблему безопасности дорожного движения, является ли достигнутое равновесие между интересами общества в целом и интересами личности ненадлежащим образом дискриминационным по отношению к отдельной личности, нарушает ли, короче говоря, представление данного доказательства основные права человека в отношении обвиняемой — я чувствую себя обязанным ответить отрицательно. Если данная аргументация убедительна, то она была известна британским гражданам с 1966 года, но, насколько мне известно, никто в этой стране до настоящего времени не подвергал критике данную законодательную норму».

Данное решение было признано вступившим в силу Высоким судом Англии и Уэльса в его решении по делу «Директор публичных преследований против Уилсона» [*Director of Public Prosecutions v. Wilson*] (Сборник решений Административного суда [EWHC Admin], 2001 год, с. 198).

ВОПРОСЫ ПРАВА

ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТОВ 1 И 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

32. Заявители утверждают, что они подверглись принуждению к даче показаний против себя в нарушение их права не давать показания и привилегии против самообвинения. Статья 6 Конвенции в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> разбирательство дела <...> судом <...>

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком».

А. По вопросу о применимости в настоящем деле положений пункта 1 статьи 6 Конвенции

33. Заявители утверждают, что уголовно-процессуальная составляющая пункта 1 статьи 6 Конвенции применима к их делу, так как каждый из них получил уведомление о возбуждении производства и был оштрафован: г-н О'Халлоран — за превышение установленной скорости, а г-н Фрэнсис — за отказ сообщить имя лица, управлявшего автомобилем в соответствующий момент.

34. Государство-ответчик не отрицало применимость положений пункта 1 статьи 6 Конвенции к указанным делам.

35. Европейский Суд приходит к заключению, что на заявителей было оказано «существенное воздействие» полученными ими уведомлениями о возбуждении производства, поскольку они были «обвинены» в соответствующих правонарушениях, связанных с превышением установленной скорости движения автомобилей, в автономном значении данного термина в контексте статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 20 октября 1997 г. по делу «Серв против Франции» [*Serves v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VI, с. 2172, § 42). В любом случае статья 6 Конвенции может быть применима к случаям принуждения к даче показаний даже в отсутствие какого-либо иного разбирательства или в случаях, когда заявитель оправдан в результате связанного с этими действиями судебного разбирательства (постановление Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» [*Funke v. France*], серия «А», № 256-А, § 39 и 40; постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» [*Heaney and McGuinness v. Ireland*], жалоба № 34720/97, § 43—45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XII).

36. Европейский Суд согласен с тем, что положения статьи 6 Конвенции применимы к настоящему делу.

В. По вопросу о соблюдении требований пункта 1 статьи 6 Конвенции

1. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

37. Государство-ответчик полагает, что привилегия против самообвинения и право не давать показания не абсолютны, и их применение может быть ограничено со ссылкой на другие законные цели, соответствующие интересам общества. Кроме постановлений Европейского Суда, касающихся права не давать показания (например, постановление Европейского Суда от 17 декабря 1996 г. по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» [*Saunders v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1996-VI, § 62), государство-ответчик ссылается на ограничения в доступе к суду (например, постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 г. по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства» [*Ashingdane v. the United Kingdom*], серия «А», № 93, § 58), на прецедентную практику Европейского Суда, свидетельствующую о том, что в некоторых случаях Высоким Договаривающимся Сторонам разрешено переносить бремя доказывания при условии, что это не нарушает справедливого равновесия между интересами личности и всеобщими интересами общества (например, постановление Европейского Суда от 7 октября 1988 г. по делу «Салабиаку против Франции» [*Salabiaku v. France*], серия «А», № 141-А, § 28), на приемлемые ограничения прав на осуществление защиты в постановлениях Европейского Суда по делам, связанным с соблюдением принципа равенства процессуальных возможностей сторон по делу (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фитт против Соединенного Королевства», жалоба № 29777/96, § 45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-II) и допроса свидетелей (постановление Европейского Суда по делу «S.N. против Швеции» [*S.N. v. Sweden*], жалоба № 34209/96, § 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-V), а также на общий принцип, гласящий, что вопросы регулирования допустимости доказательств, в том числе показаний, данных против себя,

по общему правилу относятся к сфере национального законодательства (например, постановление Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» [*Khan v. the United Kingdom*], жалоба № 35394/97, § 38, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-V).

- 38.** Государство-ответчик полагает, что предусмотренные статьей 172 Закона 1988 года полномочия по получению ответа на вопрос, кто находился за рулем автотранспортного средства в момент предполагаемого нарушения правил дорожного движения, и по использованию этого ответа в качестве доказательства при уголовном преследовании либо для преследования лица, не предоставившего эту информацию, совместимы с требованиями статьи 6 Конвенции. Для того чтобы принуждать владельца автотранспортного средства к раскрытию личности находящегося за рулем, есть серьезные основания: цель установления ответственности за нарушения правил дорожного движения состоит в предотвращении общественно опасных действий, подвергающих опасности жизнь и здоровье граждан, а это предотвращение зависит от эффективного применения таких норм (исследования показывают, что оборудованные радаром полицейские камеры слежения и иные меры снизили количество аварий на 28 процентов); для полномочий, предусмотренных статьей 172 Закона 1988 года, нет очевидных эффективных альтернатив общего характера, и без таких полномочий результативное расследование и судебное преследование нарушителей правил дорожного движения было невозможно, а сам по себе факт нахождения за рулем автотранспортного средства не является инкриминирующим. Статья 172 Закона 1988 года также не нарушает принципа презумпции невиновности, так как бремя доказывания в целом продолжает лежать на государственном обвинении. Обсуждаемая норма предусматривает ответ на простой вопрос при определенных обстоятельствах, при том что все стандартные гарантии, не допускающие использование недостоверных доказательств и доказательств, полученных ненадлежащими способами, сохраняют свое действие, в то время как максимальным наказанием является лишь штраф в размере 1000 фунтов стерлингов.
- 39.** Государство-ответчик считает, что использование статьи 172 Закона 1988 года по своему воздействию в меньшей степени затрагивает водителей, чем возможные альтернативы, такие как признание установленными неблагоприятных для зарегистрированного владельца обстоятельств в случае сокрытия им личности водителя по требованию или законодательная презумпция того, что зарегистрированный водитель признается находившимся за рулем в соответствующий момент, если он не докажет обратного. Государство-ответчик также полагает, что сам факт, что того же в целом результата можно достичь иными законодательными средствами, говорит о том, что проблема заключается в вопросах соразмерности — а не в абсолютном характере прав, нарушаемых, по мнению заявителей, в случае прямого принуждения.
- 40.** Заявители полагают, что серьезная проблема, вызванная ненадлежащим использованием автотранспортных средств, недостаточна для оправдания системы принуждения, лишаящей всякого смысла права, гарантированные статьей 6 Конвенции. Относительно незначительный характер наказания не имеет значения, так как гарантируемые статьей 6 права, включая принцип защиты от дачи показаний против себя и право не давать показания, применимы к уголовным делам любой категории без каких-либо различий. Заявители не согласны с тем, что очевидных альтернатив не существует, у-

верждая, что методы косвенного принуждения или использование инкриминирующих сведений, полученных в обязательном порядке вне рамок собственно судебного рассмотрения уголовного дела, позволили бы достичь того же результата. Они полагают, что реальный или потенциальный обвиняемый не может принуждаться под угрозой наказания к предоставлению сведений, которые может предоставить только он и которые не могут быть предоставлены посредством документов или вещественных доказательств помимо его воли. Обвинение должно доказывать свою позицию, не прибегая к принуждению, вопреки воле обвиняемого.

- 41.** Заявители считают, что существование других законодательных средств для получения таких же или аналогичных результатов, в меньшей степени затрагивающих права обвиняемого (признание установленными неблагоприятных для лица обстоятельств при его отказе отвечать на вопрос или законодательная презумпция того, что зарегистрированный водитель признается находившимся за рулем в соответствующий момент, если он не докажет обратного), подтверждает, что существующий правовой режим не является строго необходимым в демократическом обществе.
- 42.** Заявители напоминают, что в постановлениях Европейского Суда по делам «Сондерс против Соединенного Королевства» и «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (оба упомянуты выше в настоящем постановлении) Суд пришел к выводу, что интересы общества не могут использоваться в качестве оправдания для получения ответов в принудительном порядке. Они не согласны с аргументом государства-ответчика о том, что положения Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 года содержат какие-либо гарантии, запрещающие использование соответствующего материала, так как статьи 76 и 78 данного Закона не позволяют исключить из числа доказательств показания, полученные в соответствии с нормой законодательства. Поскольку заявителей ожидало рассмотрение уголовного дела в их отношении в суде, а не проводилось просто административная проверка, когда их подвергли прямому принуждению, то, по их мнению, было допущено нарушение требований пунктов 1 и 2 статьи 6 Конвенции.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Введение

- 43.** Европейский Суд прежде всего отмечает, что фактические обстоятельства, касавшиеся заявителей, различались. Г-н О'Халлоран признал, что находился за рулем в соответствующий момент, и предпринял безуспешную попытку исключить это признание из числа доказательств при рассмотрении его дела судом. Затем он был признан виновным в превышении установленной скорости. Г-н Фрэнсис отказался назвать имя лица, находившегося за рулем в тот день и то время, которые были указаны в направленном ему уведомлении о возбуждении производства, и был признан виновным в этом отказе. Дело г-на О'Халлорана на первый взгляд представляется сходным с упомянутым выше делом «Сондерс против Соединенного Королевства», в котором заявитель обжаловал использование в рамках производства по уголовному делу доказательства, которые, по его мнению, были получены в нарушение требований статьи 6 Конвенции. Дело г-на Фрэнсиса, с другой стороны, представляется более сходным с делами «Функе против Франции» (упомянутым выше в настоящем постановлении), «J.B. против Швейцарии» [*J.B. v. Switzerland*] (постановление Европейского

Суда по жалобе № 31827/96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ЕСЧР 2001-III), «Хини и Макгиннесс против Ирландии (упомянутым выше в настоящем постановлении) и «Шэннон против Соединенного Королевства» [*Shannon v. the United Kingdom*] (постановление Европейского Суда от 4 октября 2005 г., жалоба № 6563/03), по каждому из которых на заявителя был наложен штраф за непредставление информации и по каждому из которых Европейский Суд рассматривал вопрос о наложении штрафа независимо от наличия или результатов связанного с ним разбирательства.

44. Основным вопросом по каждому из дел, однако, является вопрос о том, соответствует ли требованиям статьи 6 Конвенции принуждение лица, обвиняемого в превышении установленной скорости на основании статьи 172 Закона 1988 года «О правилах дорожного движения», к даче показаний, которые инкриминируют его или могут привести к его инкриминированию. Поэтому, насколько это возможно, Европейский Суд рассмотрит оба дела вместе.

(b) Прецедентная практика Европейского Суда по затрагиваемому делу предмету

45. В деле «Функе против Франции» заявитель был осужден за непредставление «бумаг и документов, <...> касающихся операций, которые вызвали интерес [таможенной] службы», которые, по мнению этой службы, существовали (статья 65 Таможенного кодекса Франции). Европейский Суд пришел к выводу, что попытка принудить самого заявителя представить доказательства правонарушений, в совершении которых он подозревался, нарушило его право не давать показания и не свидетельствовать против самого себя (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Функе против Франции», § 44). Европейский Суд не стал более подробно истолковывать природу права лица не давать показания и не свидетельствовать против самого себя.

46. Дело «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» [*John Murray v. the United Kingdom*] (постановление Европейского Суда от 8 февраля 1996 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ЕСЧР 1996-I) касалось, среди прочего, признания установленными неблагоприятных для лица обстоятельств на основании его отказа от дачи показаний во время допросов в ходе следствия и в суде. Европейский Суд пришел к выводу, что нет никаких сомнений относительно того, что «право не давать показания при допросе в ходе следствия и привилегия против самообвинения являются общепринятыми международными стандартами, лежащими в основе понятия справедливого судебного разбирательства <...> Предоставляя обвиняемому защиту от ненадлежащего принуждения со стороны властей, эти иммунитеты позволяют избежать ненадлежащего отправления правосудия и обеспечить достижение целей статьи 6» (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 45). Суд обратил внимание на два противоположных соображения. С одной стороны, очевидно, что указанные процессуальные иммунитеты невозможно совместить с осуждением обвиняемого исключительно или главным образом на основании его молчания, отказа отвечать на вопросы или свидетельствовать против самого себя. С другой стороны, эти процессуальные иммунитеты не могут и не должны препятствовать тому, чтобы молчание обвиняемого принималось во внимание в ситуациях, очевидно требующих объяснения. Суд пришел к

заклучению, что «право не давать показания» не является абсолютным (там же, § 47). Обсуждая степень принуждения, имевшего место в данном деле, Суд отметил, что молчание обвиняемого не могло быть приравнено к уголовному правонарушению или неуважению к суду, и что молчание само по себе не могло рассматриваться как признак вины (там же, § 48). Таким образом, Суд отметил разницу между данным делом и делом «Функе против Франции», где степень принуждения, по существу, «разрушила саму суть привилегии против самообвинения» (там же, § 49).

47. Дело «Сондерс против Соединенного Королевства» касалось использования в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении заявителя его показаний, которые были получены путем законодательно предусмотренного принуждения в соответствии с Законом «О компаниях» 1985 года [*the Companies Act 1985*]. Нормы национального законодательства обязывали высших должностных лиц компании предоставлять бухгалтерскую отчетность и иные документы, являться по вызову инспекторов и осуществлять им содействие при проведении расследования под угрозой штрафа или лишения свободы на срок до двух лет. Европейский Суд, сославшись на свои постановления по делам «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» и «Функе против Франции», пришел к выводу, что право не свидетельствовать против самого себя в основном касается уважения волеизъявления обвиняемого не давать показания. Оно не распространяется на использование в ходе разбирательства по уголовному делу материалов, которые могут быть получены от обвиняемого силой санкционированного принуждения, но существуют независимо от воли подозреваемого, таких как выдыхаемый воздух, образцы крови или мочи. Суд пришел к выводу, что вопрос о том, было ли использование государственным обвинением показаний, полученных от заявителя инспекторами в принудительном порядке, неоправданным нарушением его прав, «должен рассматриваться в свете всех обстоятельств дела»: в частности, необходимо было определить, был ли заявитель принужден к даче показаний и нарушило ли использование полученных таким образом доказательств основные принципы справедливой судебной процедуры в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», § 67 и 69).

48. Заявитель по делу «Серв против Франции» (упомянутое выше в настоящем постановлении) был вызван в суд в качестве свидетеля по делу, по которому первоначально ему было предъявлено обвинение, хотя в день получения повестки и в ходе последующего разбирательства соответствующие следственные меры были признаны недействительными. Заявитель отказался принести присягу в качестве свидетеля, как того требует Уголовно-процессуальный кодекс Франции, ссылаясь на то, что показания, которые он может быть вынужден дать следственному судье, будут его инкриминировать. Европейский Суд признал, что заявитель имел право отказаться отвечать на вопросы судьи, которые с большой долей вероятности могли привести его к даче показаний против себя, но, рассмотрев обстоятельства дела, установил, что наложенный в результате штраф был призван обеспечить правдивость показаний, а не принуждение свидетеля к их даче. Поэтому штраф был наложен еще до возникновения риска дачи заявителем показаний против себя (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Серв против Франции», § 43—47).

49. В деле «Хини и Макгиннесс против Ирландии» заявители, арестованные в связи с взрывом, отказались отве-

чать на вопросы следствия, заданные в рамках полномочий, предоставляемых особым законодательным актом, который обязывал любое лицо полностью описать свои передвижения и действия в конкретно указанный период времени. Заявители были оправданы по основному обвинению, но приговорены к лишению свободы за непредставление информации о своих передвижениях. После анализа своей прецедентной практики и принятия решения о том, что пункты 1 и 2 статьи 6 применимы к данному делу, Европейский Суд согласился с тем, что право не давать показания и право не свидетельствовать против самого себя не являются абсолютными правами. Затем, рассмотрев различные процессуальные средства защиты, Суд пришел к выводу, что «уровень принуждения», примененного по отношению к заявителям, а именно осуждение и лишение свободы за непредставление «полного отчета о [своих] передвижениях и действиях в течение какого-либо определенного периода времени и всей имеющейся [у них] информации, касающейся совершения или планируемого совершения <...> [указанных правонарушений]», «по существу разрушил саму суть привилегии против самообвинения и их права не давать показания». Затем Суд пришел к выводу, что соображения безопасности и общественного порядка, на которые ссылалось государство-ответчик, не могут оправдать данной нормы законодательства (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 47—58 со ссылкой на § 24).

50. Заявитель по делу «Ве против Австрии» [*Weh v. Austria*] (постановление Европейского Суда от 8 апреля 2004 г. по жалобе № 38544/97) был оштрафован за представление недостоверной информации по запросу районных властей, обладавших полномочиями истребовать ее в соответствии с Законом «О правилах пользования автотранспортными средствами» [*the Motor Vehicles Act*], относительно имени и адреса лица, находившегося за рулем его автомобиля в определенный день. Уголовное дело уже было возбуждено в отношении неустановленных лиц. Европейский Суд не стал следовать позиции, занятой Комиссией по правам человека в решении по ранее рассмотренному делу «Р., Р. и Н. против Австрии» [*P., R. and H. v. Austria*] (решение Комиссии по правам человека от 5 сентября 1989 г. по жалобам № 15135/89, 15136/89 и 15137/89, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [*Decisions and Reports*], том 62, с. 319), отметив, что от заявителя требовалось не более чем установить один простой факт — кто находился за рулем его автомобиля — который сам по себе не является инкриминирующим. Суд пришел к выводу, что в рассматриваемом деле отсутствует связь между уголовным делом, возбужденным в отношении неустановленных лиц, и производством, в рамках которого заявитель был оштрафован за представление недостоверной информации (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ве против Австрии», § 32—56).

51. В упомянутом выше деле «Шэннон против Соединенного Королевства» заявитель был обязан предоставить информацию следователю, расследующему дело о хищении и подделке финансовых документов, в соответствии с указом по Северной Ирландии «О доходах от преступной деятельности» 1996 года [*Proceeds of Crime (Northern Ireland) Order 1996*]. Заявитель не явился по вызову следователя и был оштрафован. Несмотря на то, что заявитель был оправдан по результатам основного разбирательства в отношении него по обвинениям в подделке финансовых документов и сговоре с целью мошенничества, основанных на тех же фактических обстоятельствах, Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель

мог обжаловать нарушение своего права не свидетельствовать против самого себя. Что же касается вопроса о том, насколько меры принуждения были оправданны, Суд напомнил, что не все меры принуждения дают основания заключить, что имел место факт неоправданного вмешательства государства в реализацию права лица не свидетельствовать против самого себя. Суд постановил, что ни соображения безопасности, ни имеющиеся процессуальные средства защиты не могли оправдать меры, обжалуемые по данному делу (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Шэннон против Соединенного Королевства», § 26—40).

52. Дело «Йалло против Германии» [*Jalloh v. Germany*] (постановление Большой Палаты Европейского Суда по жалобе № 54810/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ...) касалось использования в суде доказательств в виде наркотических средств, проглоченных заявителем, которые были получены путем насильственного введения рвотного средства. Европейский Суд рассмотрел вопрос о праве лица не давать показания и привилегии против самообвинения в следующих выражениях:

«94. <...> Гарантируя право на справедливое судебное разбирательство, статья 6 Конвенции не устанавливает каких-либо правил, касающихся допустимости доказательств как таковой; этот вопрос в первую очередь должен быть предметом регулирования национальным законодательством (см. постановление Европейского Суда от 12 июля 1988 г. по делу «Шенк против Швейцарии» [*Schenk v. Switzerland*], серия «А», № 140, с. 29, § 45—46; постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу «Тейшейра де Кастро против Португалии» [*Teixeira de Castro v. Portugal*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1998-IV, с. 1462, § 34). <...>

100. Что касается использования доказательств, полученных в нарушение права не давать показания и привилегии против самообвинения, Европейский Суд напоминает, что они являются общепризнанными международными стандартами, лежащими в самой основе понятия справедливой судебной процедуры, гарантируемой статьей 6 Конвенции. Их обоснование заключается, среди прочего, в защите обвиняемых от ненадлежащего принуждения со стороны властей, что позволяет избежать ненадлежащего отправления правосудия и обеспечить достижение целей статьи 6 Конвенции. Право не свидетельствовать против самого себя, в частности, предполагает, что государственное обвинение доказывает вину подсудимого по уголовному делу без помощи доказательств, полученных методами принуждения или давления вопреки воле обвиняемого (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», <...>, § 68; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 40; постановление Европейского Суда по делу «J.B. против Швейцарии» [*J.B. v. Switzerland*], жалоба № 31827/96, § 64, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-III; постановление Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства» [*Allan v. the United Kingdom*], жалоба № 48539/99, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-IX, § 44).

101. При рассмотрении вопроса о том, разрушила ли та или иная процедура саму суть привилегии против самообвинения, Европейский Суд рассматривает, в том числе, следующие элементы: природу и степень принуждения, существование каких-либо имеющих отношение к делу процессуальных гарантий и то, каким образом были использованы получен-

ные таким образом материалы (см., например, решение Европейского Суда по делу «Тирадо Ортиз и Лозано Мартин против Испании» [*Tirado Ortiz and Lozano Martin v. Spain*], жалоба № 43486/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-V; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 51—55; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства», § 44).

102. Европейский Суд неоднократно указывал, однако, что право не свидетельствовать против самого себя связано, прежде всего, с волей обвиняемого не давать показания. Как это часто трактуется в правовых системах государств — членов Совета Европы и других стран, оно не распространяется на использование в ходе разбирательства по уголовному делу материалов, которые могут быть получены от обвиняемого силой санкционированного принуждения, но существуют независимо от воли подозреваемого <...>

113. По мнению Европейского Суда, обсуждаемое по настоящему делу доказательство, а именно наркотическое средство, спрятанное в теле заявителя, которое было получено путем насильственного введения рвотного средства, могло бы считаться подпадающим под категорию материала, существующего независимо от воли подозреваемого, использование которого в уголовном судопроизводстве в целом не запрещено. Однако есть несколько элементов, которые отличают настоящее дело от примеров, перечисленных в постановлении Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства». Во-первых, как и в случаях с мерами принуждения, ставшими предметами жалоб по делам «Функе против Франции» и «J.V. против Швейцарии», применение рвотного средства позволило получить вещественное доказательство вопреки воле заявителя. Биологические же материалы, перечисленные в постановлении по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», напротив, представляли собой материалы, полученные путем принуждения в целях проведения экспертизы для установления, например, присутствия алкоголя или наркотических средств в организме.

114. Во-вторых, уровень физического вмешательства, примененного в настоящем деле, значительно отличается от уровня принуждения, необходимого обычно для получения материалов того типа, который описан в постановлении Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства». Для получения таких материалов обвиняемому приходится пассивно подвергаться малозначительному нарушению его физической целостности (когда, например, отбираются образцы крови, волос или тканей организма). Даже в тех случаях, когда требуется активное участие обвиняемого, из постановления Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» видно, что речь идет о материалах, получаемых в результате нормальной жизнедеятельности организма (такие как, например, выдыхаемый воздух, моча или образцы голоса). Принуждение же заявителя по настоящему делу к извлечению доказательства посредством рвоты, напротив, потребовало насильственного введения через его ноздри катетера и применения препарата с целью вызвать патологическую реакцию его организма. Как отмечалось ранее, эта процедура была рискованной для здоровья заявителя.

115. В-третьих, обсуждаемое в рамках настоящего дела доказательство было получено посредством процедуры, которая была нарушением требований статьи 3 Конвенции. Процедура, к которой прибегли в случае заявителя, резко отличается от процедур, применяемых, например, для анализа выдыхаемого воздуха или крови. Процедурам последнего типа, если только не идет речь об исключительных обстоятельствах, не свойственен уровень вмешательства, который противоречил бы требованиям статьи 3 Конвен-

ции. Более того, хотя и представляя собой вмешательство в осуществление права подозреваемого на частную жизнь, эти процедуры в целом оправданы в свете требований пункта 2 статьи 8 Конвенции, будучи необходимыми для предотвращения совершения уголовно наказуемых деяний (см., среди прочих источников, решение Европейского Суда по делу «Тирадо Ортиз и Лозано Мартин против Испании», жалоба № 43486/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-V).

116. <...> Принцип, утверждающий привилегию против самообвинения, применим к настоящему разбирательству.

117. Для того чтобы определить, было ли нарушено право заявителя не свидетельствовать против самого себя, Европейский Суд будет учитывать, в свою очередь, следующие факторы: природа и степень принуждения, использованного для получения доказательства; весомость публичного интереса в расследовании соответствующего преступления и наказании за его совершение; существование каких-либо имеющих отношение к делу процессуальных гарантий; использование каких-либо материалов, полученных таким образом».

(с) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

53. Заявители утверждают, что право не давать показания и право не свидетельствовать против самого себя являются абсолютными и что применение какой-либо формы прямого принуждения в целях получения от обвиняемого инкриминирующих его показаний вопреки его воле само по себе разрушает саму суть этого права. Европейский Суд не может согласиться с этим. Действительно, как указывают заявители, в своих постановлениях по всем рассмотренным до настоящего времени делам, в которых применялось «прямое принуждение», чтобы добиться от подозреваемого или потенциального подозреваемого предоставления информации, которая становилась или могла стать основанием для его осуждения, Суд приходил к выводу о нарушении привилегии заявителя против самообвинения. Из этого, однако, не следует, что любое прямое принуждение автоматически приводит к признанию нарушения. Хотя право на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое статьей 6 Конвенции, является безоговорочным, содержание справедливого судебного разбирательства не может определяться единым неизменным правилом, но должно зависеть от обстоятельств конкретного дела. Это было подтверждено по отношению конкретно к праву не давать показания в постановлении Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» и, совсем недавно, в постановлении по делу «Йалло против Германии», в котором Суд определил факторы, которые он должен учитывать для ответа на вопрос о том, была ли нарушена привилегия заявителя против самообвинения.

54. Заявители утверждают, что дело «Йалло против Германии» отличается от настоящего дела тем, что оно касалось не принудительного получения инкриминирующих показаний, а использования «вещественного» доказательства того типа, который был описан в решении по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» (выдыхаемый воздух, образцы мочи и крови), и, таким образом, является исключением из общего принципа, установленного в этом постановлении Суда. Суд согласен с тем, что фактические обстоятельства дела «Йалло против Германии» значительно отличались от обстоятельств настоящего дела. Тем не менее аргументация заявителей не убедила Суд. Даже если бы в любом деле можно было провести четкое разграничение между инкриминирующими показаниями, с одной стороны, и «реальными» доказательствами

инкриминирующего характера — с другой, Суд отмечает, что дело «Йалло против Германии» не рассматривалось как подпадающее под исключение для «реальных» доказательств, указанных в постановлении Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства»; напротив, Суд пришел к заключению, что это дело должно рассматриваться как дело о даче показаний против себя в более широком значении, приданном этому термину в постановлениях Европейского Суда по делам «Функе против Франции» и «J.V. против Швейцарии», чтобы он мог применяться в делах, где речь идет о принуждении к представлению инкриминирующих доказательств (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Йалло против Германии», § 113—116).

- 55.** В свете принципов, установленных в постановлении Европейского Суда по делу «Йалло против Германии», и с целью определить, не была ли разрушена суть права заявителей не давать показания и их привилегии против самообвинения, Европейский Суд рассмотрит природу и степень принуждения, примененного для получения доказательства, наличие каких-либо процессуальных гарантий и использование полученных таким образом материалов.
- 56.** Природа и степень принуждения, примененного для получения доказательства в случае г-на О'Халлорана и для попытки получения доказательства в случае г-на Фрэнсиса, были описаны в уведомлениях о возбуждении производства, полученных каждым из заявителей. Им было сообщено, что как зарегистрированные владельцы автотранспортных средств они обязаны сообщить полное имя и адрес лица, находившегося за рулем в указанное время и при указанных обстоятельствах. Каждый из них был проинформирован, что непредставление информации является уголовно наказуемым деянием в соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года. За непредставление заявителями информации было предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до 1000 фунтов стерлингов, а также лишение права управления автотранспортными средствами или начисление водителю трех штрафных баллов.
- 57.** Европейский Суд признаёт, что принуждение носило прямой характер, как и в других делах, в которых за непредставление информации были предусмотрены или реально налагались штрафы. В настоящем деле принуждение использовалось в контексте статьи 172 Закона «О правилах дорожного движения», которая возлагает на владельца автотранспортного средства особую обязанность — представлять сведения о лице, находящемся за его рулем, при наступлении определенных обстоятельств. Суд отмечает, что хотя и это принуждение, и правонарушение, с которым оно связано, является «уголовным» по своей природе, принуждение проистекало из того факта, что, как высказался лорд Бингэм на заседании Тайного совета по делу «Браун против Стотт» (см. выше, пункт 31 настоящего постановления), «все, кто владеет или управляет автомобилем, знают, что тем самым они признают определенный режим регулирования. Этот режим действует не потому, что владение или управление автомобилем — это привилегия или льгота, даруемая государством, но потому, что владение автомобилями и их использование (как и в случае с огнестрельным оружием, например) общепризнанно могут приводить к причинению тяжких телесных повреждений». Можно сказать, что те, кто принимают решение владеть или управлять автомобилем, берут на себя определенные обязанности и обязательства, составляющие часть регулятивного режима в отношении автотранспортных средств, а в законодательстве Соединенного Королевства к этим обя-

занностям относится обязанность — в случае наличия подозрений о совершении нарушений правил дорожного движения — сообщать властям данные о лице, управлявшем автотранспортным средством на момент такого нарушения.

- 58.** Еще одним аспектом принуждения, примененного в настоящих делах, является ограниченный характер дознания, которое уполномочены проводить сотрудники полиции. Подпункт «а» пункта 2 статьи 172 Закона 1988 года применяется только в случаях, когда водитель автотранспортного средства подозревается в совершении соответствующего правонарушения, и уполномочивает сотрудников полиции запрашивать только информацию, касающуюся «личности водителя». Таким образом, это информация значительно более ограничена, чем та, о которой шла речь в делах, ранее рассмотренных Европейским Судом, когда заявители принуждались законодательством предоставить «любые бумаги и документы, относящиеся к деятельности, интересующей департамент» (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Функе против Франции», § 30) или «документы и т.п., которые могут иметь значение для определения сумм налоговых платежей» (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «J.V. против Швейцарии», § 39). В деле «Хини и Макгиннесс против Ирландии» заявители должны были «полностью описать [свой] передвижения и действия в конкретно указанный период времени <...>» (упомянутое выше постановление Европейского Суда, § 24), а в деле «Шэннон против Соединенного Королевства» информация могла быть запрошена (лишь с немногочисленными исключениями для представителей некоторых профессий) по любому вопросу, который представляется следователю имеющим отношение к следствию (см. отсылку в § 23 в упомянутом выше постановлении Европейского Суда по делу «Шэннон против Соединенного Королевства»). Информация, запрошенная в деле «Ве против Австрии» была, как и в настоящем деле, ограничена «информацией о том, кто был за рулем определенного автотранспортного средства <...> в определенный момент времени <...>» (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ве против Австрии», § 24). Суд не признал нарушения статьи 6 Конвенции по данному делу на том основании, что в отношении заявителя не было возбуждено и не ожидалось возбуждения какого-либо производства. Суд отметил, что требование об указании на простой факт — кто находился за рулем автомобиля — не было само по себе инкриминирующим (там же, § 53—54). Кроме того, как отметил лорд Бингэм в решении по делу «Браун против Стотт» (см. пункт 31 настоящего постановления), статья 172 Закона 1988 года не санкционирует продолжительного допроса о фактах, установление которых необходимо для преследования за уголовно наказуемые деяния, а предусмотренное за отказ отвечать на вопрос наказание не является «суровым и связанным с лишением свободы».
- 59.** В постановлении по делу «Йалло против Германии» Европейский Суд сослался на наличие соответствующих процессуальных гарантий. Суд отмечает, что, как установлено пунктом 4 статьи 172 Закона 1988 года, в делах, в которых применяются принудительные меры в соответствии со статьей 172, предусмотренное подпунктом «а» пункта 2 статьи 172 правонарушения не имеет места, если владелец автотранспортного средства продемонстрирует, что он не знал и не мог — при принятии разумных мер — знать, кто находился за рулем автотранспортного средства. Таким образом, данное правонарушение не предполагает объективной ответственности, и риск недостоверных показаний пренебрежительно невелик.

60. Что касается использования полученных показаний, то показания г-на О'Халлорана о том, что он находился за рулем своего автомобиля, были допустимы в качестве доказательства этого факта в силу пункта 1 статьи 12 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года (см. пункт 27 настоящего постановления), и он был надлежащим образом осужден за превышение установленной скорости. В ходе рассмотрения его дела он пытался исключить эти показания из числа доказательств, ссылаясь на статьи 76 и 78 Закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам», хотя ему это не удалось. Обвинению требовалось доказать совершение преступления вне всякого разумного сомнения в рамках обычного судебного разбирательства, включая защиту от использования недостоверных доказательств и доказательств, полученных путем давления или иным ненадлежащим путем (но без исключения из доказательственной базы показаний, полученных в соответствии со статьей 172 Закона 1988 года), и подсудимый мог давать показания и вызывать свидетелей по своему усмотрению. Как, опять же, отмечается в решении по делу «Браун против Стотт», личность водителя — это только один элемент состава преступления (превышение установленной скорости), и речь не идет об осуждении исключительно на основании информации, полученной в результате применения подпункта «а» пункта 2 статьи 172 Закона 1988 года.

61. Так как г-н Фрэнсис отказался дать показания, они не могли использоваться в рамках соответствующего разбирательства, и такое разбирательство вообще не имело места. Вопрос об использовании показаний в рамках уголовного судопроизводства не возник, а его отказ от дачи показаний не использовался в качестве доказательства: он сам являлся правонарушением (см. решение Европейского Суда по делу «Аллен против Соединенного Королевства», жалоба № 76574/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VIII).

62. Рассмотрев все обстоятельства дела, включая особый характер обсуждаемого регулятивного режима и ограниченный характер информации, запрашиваемой в соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года, Европейский Суд приходит к выводу, что суть права заявителей не давать показания и их привилегии против самообвинения не была разрушена.

63. Следовательно, по делу не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

С. По вопросу о соблюдении требований пункта 2 статьи 6 Конвенции

64. В представленной Европейскому Суду аргументации заявителя ссылались на пункт 2 статьи 6 Конвенции и принцип презумпции невиновности, но предполагаемое нарушение требований этого пункта не обжаловалось отдельно.

65. Европейский Суд считает, что отдельного вопроса, который следовало бы рассмотреть на предмет соответствия требованиям пункта 2 статьи 6 Конвенции, не возникло.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6

Конвенции (принято пятнадцатью голосами «за» и двумя голосами «против»);

2. *постановил*, что по настоящему делу не возникло отдельного вопроса для рассмотрения на предмет соответствия требованиям пункта 2 статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Совершено на английском и на французском языке и оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека, г. Страсбург, 29 июня 2007 г.

Винсен Берже, **Жан-Поль Коста,**
Главный юридический **Председатель**
советник Европейского Суда **Европейского Суда**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения¹:

- (а) совпадающее мнение г-на Боррего Боррего;
- (b) особое мнение г-на Павловского;
- (c) особое мнение г-на Мийера.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БОРРЕГО БОРРЕГО

(перевод)²

Хотя я также проголосовал против признания нарушения, я с сожалением отмечаю, что не могу согласиться с подходом и аргументацией, принятыми большинством судей в настоящем постановлении.

В 2004 году в одном только Европейском Союзе было 216 миллионов автомобилей, находящихся в частной собственности. Из этого мы можем сделать вывод, что для всех государств — членом Совета Европы это число может сейчас превышать 400 миллионов. Следовательно, вопрос дорожного движения, включая нарушения правил дорожного движения, составляет предмет самого непосредственного интереса и оказывает самое значительное влияние на значительное число жителей Европы.

На мой взгляд, при том, что Европейский Суд должен всегда стремиться к простоте и ясности своих постановлений, с тем чтобы их было проще понять, необходимо особое усилие в тех случаях, когда, как в настоящем деле, проблема затрагивает сотни миллионов граждан. «Широкая общественность» становится в таком случае «еще более широкой общественностью».

Действительно, наиболее важным компонентом постановления является его резолютивная часть (вывод о том, что нарушение имело или не имело место). Однако в настоящем деле тот путь, который был избран для достижения конечного результата, я полагаю, отнюдь не менее важен.

Настоящее постановление излагает и подробно анализирует прецедентную практику Европейского Суда, касающуюся права не давать показания и права не свидетельствовать против самого себя. Цитируются восемь постановлений, и все они приведены к единому знаменателю, в результате чего все предметные вопросы (терроризм, торговля наркотиками, нарушения правил дорожного движения и так далее) смешаны друг с другом. После приведения почти двухстраничной цитаты из своего постановления по делу «Йалло против Германии» Суд пыта-

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).

² Имеется в виду, что мнение было составлено не на одном из официальных языков Европейского Суда (*примечание редакции*).

ется обосновать свою аргументацию «в свете принципов, установленных в постановлении по делу «Йалло против Германии»» (пункт 55 настоящего постановления).

Я полагаю, что Европейский Суд избрал неверный подход к настоящему делу. Это усугубляется тем, что обстоятельства дела «Йалло против Германии» существенно отличаются от обстоятельств настоящего дела (пункт 54 постановления) — это, более того, кажется мне очевидным — а также тем, что анализ постановления по делу «Йалло против Германии» (пункт 55 настоящего постановления) ограничен лишь некоторыми из установленных им принципов.

По моему мнению, путь, избранный Европейским Судом в настоящем деле, следует за индивидуалистским подходом, в рамках которого права человека рассматриваются как абстрактные права, навеки высеченные на священных скрижалях. Согласно этой школе мысли, права человека призваны не позволить личности жить в обществе, а поставить общество на службу личности.

Я не разделяю эти взгляды. Когда речь идет о правах человека, мы не можем и не должны забывать, что еще во времена французской революции использовалась фраза «права человека и гражданина». Люди — это индивидуумы, но, будучи членами общества, они становятся гражданами.

Этот очевидный факт мог бы стать достаточной причиной для того, чтобы сделать постановление короче и яснее. Было бы достаточно сказать, следуя подходу, избранному Тайным советом (пункт 31 настоящего постановления) и другими судами, что, владея и управляя автомобилем, гражданин признаёт существование регулятивных норм в области дорожного движения и обязуется подчиняться им, чтобы иметь возможность жить в качестве члена общества. Эти нормы очевидно предполагают определенные обязанности, которые и составляют предмет жалоб, которые мы рассматривали сегодня. Вот и всё.

В постановлении по настоящему делу анализ всей прецедентной практики относительно права не давать показания и привилегии против самообвинения и последующее применение полученных таким образом принципов для того, чтобы прийти к выводу, который добавляет лишь очень небольшой нюанс, слишком всё усложняют без особых на то причин. В пункте 57 постановления Европейский Суд соглашается с мудрой аргументацией лорда Бингэма, члена Тайного совета. Я хотел бы отметить, что согласно его мнению, «все, кто владеет или управляет автомобилем, знают <...>». Если, действительно, «все <...> знают, что тем самым они признают определенный режим регулирования», мы должны спросить себя: к чему тратить двенадцать страниц на то, чтобы объяснить то, что все уже знают? Усложнение простых вещей равносильно избранию пути, который не только неверен, но и опасен, и который когда-нибудь может привести к рассмотрению Европейским Судом вопроса о том, не нарушает ли государство свои позитивные обязательства в соответствии с требованиями статей 5 и 8 Конвенции, когда граждане надолго попадают в автомобильную пробку, так как они при этом лишаются свободы, и не соблюдается их право на уважение частной жизни.

Права человека — это огромная ценность для современного общества. Для того чтобы сохранить это величайшее достижение — плод бесчисленных усилий и жертв — мы должны продолжать бороться с проявлениями тирании. Однако, на мой взгляд, мы должны также избегать игр с огнем, приводя к общему знаменателю обязанность владельцев автомобилей сотрудничать с властями и право свидетельствовать против самого себя.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАВЛОВСКОГО

Рассматриваемое нами дело не только интересно с юридической точки зрения, но и важно для дела защиты прав человека.

Это дело касается не просто полицейских камер слежения и радаров для контроля скорости движения автомобилей, оно касается гораздо более важных вопросов, таких как фундаментальные принципы современного уголовного процесса и основные элементы понятия справедливого судебного разбирательства.

Европейский Суд в своей практике уже имел возможность рассмотреть некоторые аспекты запрета на принудительную дачу показаний против самого себя и презумпции невиновности в том виде, в котором они существуют в различных европейских государствах, а также сформулировать свое видение того, что приемлемо и что неприемлемо в данной сфере в демократическом обществе и в обстоятельствах нашей повседневной жизни.

Обстоятельства настоящего дела дают нам еще одну возможность рассмотреть эти довольно сложные вопросы.

Автомобили заявителей были сфотографированы полицейской камерой слежения на контролируемом участке дороги, после чего заявители получили уведомления о возбуждении производства, в которых сообщалось, что будет возбуждено производство с привлечением их в качестве обвиняемых или потенциальных обвиняемых в связи с конкретным нарушением правил дорожного движения, подтверждаемым имеющимися в распоряжении полиции техническими и фотографическими доказательствами. В соответствии со статьей 172 Закона «О правилах дорожного движения» 1988 года заявителям — как зарегистрированным владельцам сфотографированных автомобилей — в каждом из случаев был задан вопрос о том, кто находился за рулем автомобиля в соответствующий момент. Непредставление информации в ответ на этот предусмотренный законодательством запрос является уголовно наказуемым деянием.

Под угрозой привлечения к уголовной ответственности г-н О'Халлоран уведомил полицию, что за рулем находился он, и был оштрафован за превышение установленной скорости движения автомобилей. Его попытки добиться исключения этих показаний из доказательственной базы оказались безуспешны.

Г-н Фрэнсис, получив требование предоставить имя и адрес лица, находившегося за рулем его автомобиля, отказался сделать это, ссылаясь на свое право не давать показания и привилегию против самообвинения, и был оштрафован за непредставление информации.

Наказания, предусмотренные за само правонарушение и за непредставление информации, аналогичны.

Заявители полагают, что их право не давать самоинкриминирующих показаний было нарушено — либо потому, что они представили информацию под угрозой штрафа и были осуждены на основании этих показаний, либо потому, что были осуждены за отказ представить инкриминирующую их информацию. Заявители требуют признания нарушений пунктов 1 и 2 статьи 6 Конвенции.

По моему мнению, для понимания и верного разрешения настоящего дела есть некоторые вопросы особой важности. Позвольте мне привести здесь слова судьи Уолша из его совпадающего мнения по делу «Сондерс против Соединенного Королевства»: «<...> важно отдавать себе отчет в том, что настоящее дело касается не только нормы доказательственного права, но и существования фундаментального права не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя <...>». Я полностью согласен с этими словами.

Возникновение привилегии против самообвинения по принуждению в английском общем праве восходит к тринадцатому столетию, когда церковные суды стали требовать от подозреваемых в ереси принесения так называемой «обязательной присяги». К семнадцатому и восемнадцатому столетиям обязательная присяга использовалась даже Судом Звездной палаты для выявления тех, кто осмеливался критиковать короля. Сопротивление этой присяге распространилось так широко, что постепенно возникла доктрина общего права, согласно которой человек имел право отказаться от того, чтобы свидетельствовать против самого себя, не только в рамках вышеописанной особой процедуры, но, по мере развития общего права, и следуя общему принципу, имеющему силу и в рамках обычного уголовного судопроизводства (см. совпадающее мнение судьи Уолша в постановлении Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1996-VI).

Развитию этого принципа уделялось особое внимание правовыми системами общего права — и прежде всего властями Соединенных Штатов Америки.

Во второй половине восемнадцатого века была принята Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки. В части, касающейся обвиняемого по настоящему делу вопроса, поправка гласит: «Никто не должен принуждаться в уголовном деле быть свидетелем против самого себя».

Решение Верховного суда США по делу «Миранда против штата Аризона» [*Miranda v. Arizona*], вынесенное в 1966 году, стало ключевым прецедентом по вопросу о допустимости признательных показаний в качестве доказательства. По этому делу Верховный суд США указал следующее:

«<...> До начала какого-либо допроса лицо должно быть предупреждено о том, что оно имеет право не давать показания, что всё, что это лицо скажет, может быть использовано как доказательство против него и что оно имеет право на присутствие адвоката, приглашенного или назначенного. Обвиняемый может отказаться от реализации этих прав, при условии, что этот отказ сделан добровольно, сознательно и осмысленно. Если, однако, он в любой момент производства по делу указывает, что желает посоветоваться с адвокатом, прежде чем давать показания, допрос продолжаться не может. Аналогичным образом, если лицо не имеет адвоката и указывает каким-либо образом, что не желает давать показаний, полиция не вправе допрашивать его <...>»¹.

С тех пор в подавляющем большинстве юрисдикций США, если не во всех из них, это уведомление задержанного о его правах по правилам дела Миранды стало фундаментальной правовой нормой, установленной национальным законодательством.

В наши дни типичное уведомление задержанного о его правах по правилам дела Миранды выглядит следующим образом: «Вы имеете право не давать показания. Всё, что Вы сообщите, может быть и будет использовано против Вас в суде. Вы имеете право советоваться с адвокатом, и он вправе присутствовать вместе с Вами на допросах. Если Вы не можете позволить себе нанять адвоката, он будет предоставлен Вам за счет государства».

Общепринятое понимание данной процессуальной нормы состоит в том, что никто не может быть принуждаем отве-

чать на вопросы или представлять доказательства, которые могут помочь доказать его вину. Перед началом допроса обвиняемому должен быть разъяснен характер преступления, в совершении которого он обвиняется; он должен понимать, что имеет право не давать никаких показаний, а если он их даст, они могут использоваться против него в суде. Показания, полученные с помощью угроз или обмана, не могут использоваться как доказательства в суде.

В этом отношении хорошей иллюстрацией может служить Единообразный кодекс военной юстиции США [*US Uniform Code of Military Justice*]. Статья 31 Кодекса предусматривает, что никто не может быть принужден к самообвинению и к ответу на любой вопрос, ответ на который может привести к его обвинению. Никто не может допрашивать обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления или требовать от него дачи каких-либо показаний, не проинформировав его предварительно о характере обвинения и не уведомив его, что он не обязан давать какие-либо показания относительно преступления, в совершении которого он обвиняется или подозревается, и что любые данные им показания могут использоваться как доказательство против него при разбирательстве дела в военном суде².

В наши дни запрет на принудительное самообвинение стал общепризнанным стандартом в области уголовного процесса.

На мой взгляд, большинство судей совершило фундаментальную ошибку, согласившись с позицией государства-ответчика, состоящей в том, что получение самоинкриминирующих показаний под угрозой привлечения к уголовной ответственности может рассматриваться как допустимый метод уголовного преследования при определенных, весьма конкретных обстоятельствах, таких как имеющие место в настоящем деле. Это не только неверный, но и крайне опасный подход.

Разумеется, большинство судей право, когда говорит о том, что право не давать показания не является абсолютным.

Более того, в некоторых юрисдикциях получение от обвиняемого инкриминирующих его доказательств под принуждением разрешено. Однако — и я хотел бы подчеркнуть это — такие доказательства не могут использоваться в целях уголовного преследования самого этого обвиняемого.

Уголовно-процессуальное законодательство Канады, например, содержит следующую норму:

«В случае, когда свидетель отказывается отвечать на какой-либо вопрос на том основании, что его ответ может инкриминировать его <...> и <...> принуждается к ответу, данный таким образом ответ не может использоваться или допускаться в качестве доказательства против него в каком-либо судебном разбирательстве уголовного дела или ином производстве по уголовному делу в отношении него, имеющем место впоследствии, за исключением уголовного преследования за дачу ложных показаний или за дачу противоречивых показаний» (Закон Канады «О доказательствах» [*Canada Evidence Act, C-5*]).

В решении по делу «R. против S. (R.J.)» Верховный суд Канады пришел к следующим выводам:

«<...> Право обвиняемого не быть принуждаемым к содействию своему собственному уголовному преследованию

¹ См. решение Верховного суда США по делу «Миранда против штата Аризона» [*Miranda v. Arizona*], 1966 год, Сборник решений Верховного суда США, том 384, с. 436 (1966): <http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?court=US&vol=384&invol=436>.

² См. Единообразный кодекс военной юстиции США, статья 31 «Запрет на принудительное самообвинение»: <http://www.constitution.org/mil/ucmj19970615.htm>.

является, вероятно, наиболее важным принципом уголовного процесса, и принципы фундаментальной справедливости требуют, чтобы суды сохраняли дискреционные полномочия для освобождения свидетелей от обязанности давать показания при соответствующих обстоятельствах. На лице, ходатайствующем о таком освобождении, лежит бремя убедить судью в том, что с учетом всех обстоятельств дела угроза его интересам перевешивает необходимость получения доказательства. <...> Слишком широкое определение «самообвинения» как имеющего место всякий раз, когда власти получают доказательство, которое оно не могло бы получить «иначе», чем при участии такого лица, вывело бы понятие самообвинения далеко за пределы коммуникативного характера, который обосновывает его в общем праве. <...> Как общее право, так и Хартия прав и свобод проводят фундаментальное различие между инкриминирующим и самоинкриминирующим доказательством: первое — это доказательство, которое может привести к установлению вины обвиняемого, а последнее — доказательство, которое может привести к установлению вины обвиняемого на основе его собственного признания или на основании его собственного сообщения. Фундаментальный для правосудия принцип защиты от самообвинения, предусмотренный статьей 7 Хартии прав и свобод, требует защиты от использования полученных путем принуждения доказательств, которые могут привести к установлению вины обвиняемого на последних, но не на первых, основаниях¹.

В правовой системе Соединенных Штатов проблема получения признательных показаний может решаться посредством соглашения об отказе от обвинения, которым предоставляется частичный иммунитет от уголовного преследования на основании самоинкриминирующих доказательств, представленных обвиняемым под принуждением.

В целом, если говорить о правовой системе Соединенных Штатов, следует отметить, что американские суды рассматривают привилегию против самообвинения как некий Конституционный принцип.

В этом отношении особый интерес представляет дело «Мэллой против Хогана» [*Malloy v. Hogan*]. В своем решении по этому делу Верховный суд США постановил:

«Дело «Браун против штата Миссисипи» [*Brown v. Mississippi*] было первым делом, по которому Верховный суд США постановил, что клаузула о надлежущей правовой процедуре² запрещает властям штатов использовать против обвиняемого признание вины, сделанные им под принуждением. <...> В решении по делу «Брэм против Соединенных Штатов» [*Bram v. United States*] <...> Верховный суд США постановил, что «при рассмотрении уголовных дел судами Соединенных Штатов всякий раз, когда возникает вопрос о том, является ли признание вины недействительным по причине его недобровольности, этот вопрос регулируется той частью Пятой поправки к Конституции США, которая гласит, что никто «не должен принуждаться в уголовном деле быть свидетелем против самого себя». <...> В соответствии с этим критерием конституционный вопрос состоит не в том, были ли действия государственных должностных лиц при получении признания вины возмутительными, а в том, было

ли признание вины «свободным и добровольным: то есть [оно] не должно быть получено ни с помощью каких-либо угроз или какого-либо насилия, ни посредством каких-либо явных или подразумеваемых обещаний, какими бы незначительными они ни были, ни оказанием какого-либо ненадлежащего давления. <...>». Иными словами, лицо не должно принуждаться к тому, чтобы свидетельствовать против самого себя. Мы сочли недопустимым даже признание вины, полученное с помощью столь мягкого тычка, как — при определенных обстоятельствах — отказ в разрешении подозреваемому позвонить своей жене, пока он не сознается <...>.

Явное движение в сторону федерального стандарта в практике судов штатов началось с дела «Лайсенба против штата Калифорния» [*Lisenba v. California*], <...> когда Верховный суд США высказался за имеющийся у обвиняемого «свободный выбор согласиться, не согласиться или отказаться отвечать» <...> Это нововведение отражает признание того, что американская система уголовного преследования является обвинительной, а не инквизиционной, и что предоставляемая Пятой поправкой к Конституции США привилегия является наиважнейшей опорой этой системы. <...> Как власти штатов, так и федеральные власти, таким образом, в соответствии с Конституцией США обязаны устанавливать вину с помощью доказательств, полученных самостоятельно и свободно, и не могут путем принуждения доказывать обвинение против обвиняемого с помощью его собственных слов. Так как Четырнадцатая поправка к Конституции США запрещает штатам добиваться получения признательных показаний путем «ложного сочувствия» <...> и иными подобными средствами, значительно более мягкими, чем «принуждение пыткой», <...> из этого следует, что она тем более запрещает властям штатов прибегать к лишению свободы, как в настоящем деле, чтобы принудить обвиняемого к ответам на вопросы, которые могут его инкриминировать. Четырнадцатая поправка к Конституции США защищает от вмешательства властей штатов в реализацию той же привилегии, реализацию которой Пятая поправка к Конституции США защищает от вмешательства федеральных властей — право любого лица не давать показания, если оно не примет решение дать показания по своему собственному ничем не ограниченному волеизъявлению, и не нести при этом никакого наказания, как было установлено в решении Верховного суда США по делу «Туайнинг против штата Нью-Джерси» [*Twining v. New Jersey*], за такое молчание»³.

Наш Суд также внес свой вклад в развитие доктрины привилегии против принудительного самообвинения. Краткое изложение норм прецедентного права, созданных Европейским Судом по данному вопросу, можно найти в постановлении по делу «Ве против Австрии».

В этом постановлении Европейский Суд напоминает, что хотя и не будучи конкретно упомянутыми в статье 6 Конвенции, право не давать показания и право не свидетельствовать против самого себя являются общепринятыми международными стандартами, лежащими в основе понятия справедливого судебного разбирательства, гарантируемого статьей 6 Конвенции. Их обоснование состоит, среди прочего, в защите обвиняемого от нена-

¹ См. решение Верховного суда Канады по делу «R. против S. (R.J.)» [*R v. S (R.J.)*], 1995 год, Сборник решений Верховного суда Канады, том 1, с. 451: <http://scc.lexum.umontreal.ca/en/1995/1995rcs1-451/1995rcs1-451.html>.

² В Пятой поправке (1791 год) и Четырнадцатой поправке (1868 год) к Конституции США содержится клаузула, гласящая, что ни одно лицо не может быть лишено властями «жизни, свободы или собственности без надлежущей правовой процедуры» (*примечание редакции*).

³ См. решение Верховного суда США по делу «Мэллой против Хогана» [*Malloy v. Hogan*], 1964 год, Сборник решений Верховного суда США, том 378, с. 1: <http://caselaw.lp.findlaw.com/cgi-bin/getcase.pl?friend=nytimes&navby=case&court=us&vol=378&invol=1>.

длежащего принуждения со стороны властей, тем самым позволяя избежать ненадлежащего отправления правосудия и обеспечить достижение целей статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 8 февраля 1996 г. по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1996-I, с. 49, § 45).

Право не свидетельствовать против самого себя, в частности, предполагает, что по уголовному делу государственное обвинение должно доказывать свою позицию без использования доказательств, полученных методами принуждения и давления вопреки воле обвиняемого. В этом смысле данное право тесно связано с принципом презумпции невиновности, предусмотренным пунктом 2 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 1996 г. по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» [*Saunders v. the United Kingdom*] Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1996-VI, с. 2064, § 68; постановление Европейского Суда от 20 октября 1997 г. по делу «Серв против Франции» [*Serves v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1997-VI, с. 2173—2174, § 46; постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» [*Heaney and McGuinness v. Ireland*], жалоба № 34720/97, § 40, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XII; постановление Европейского Суда по делу «J.B. против Швейцарии» [*J.B. v. Switzerland*], жалоба № 31827/96, § 64, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-III).

Право не свидетельствовать против самого себя в первую очередь касается уважения к волеизъявлению обвиняемого не давать показания (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», с. 2064, § 69, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 40).

Анализ прецедентной практики Европейского Суда показывает, что существует два типа дел, в постановлениях по которым Суд признавал нарушение права не давать показания и привилегии против самообвинения.

Во-первых, существуют ситуации, касающиеся использования принуждения с целью получения информации, которая может инкриминировать соответствующее лицо в рамках ведущегося или ожидаемого производства по уголовному делу в отношении него, иными словами, в связи с преступлением, в совершении которого это лицо было «обвинено» в автономном значении этого термина в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» [*Funke v. France*], Серия «А», № 256-А, с. 22, § 44; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 55—59; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «J.B. против Швейцарии», § 66—71).

Во-вторых, существуют ситуации, касающиеся использования инкриминирующей информации, полученной посредством принуждения вне контекста производства по уголовному делу при последующем уголовном преследовании (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», с. 2064, § 67; постановление Европейского Суда по делу «I.J.L. и другие заявители против Соединенного Королевства», жалоба № 29522/95, § 82—83, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IX).

Однако из прецедентной практики Европейского Суда также следует, что привилегия против самообвинения сама по себе не запрещает использование принудительных полномочий для получения информации вне рамок производства по уголовному делу в отношении соответствующего лица.

Например, в постановлении Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» не утверждается, что процедура, в рамках которой заявитель был обязан отвечать на вопросы относительно его компании и финансовых вопросов под угрозой возможного наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет, сама по себе ставит под вопрос соблюдение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. «Сондерс против Соединенного Королевства», там же; см. также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «I.J.L. и другие заявители против Соединенного Королевства», § 100). Более того, в недавнем решении Суд пришел к выводу, что требование о декларировании имущества в налоговых органах не затрагивал какого-либо вопроса о соответствии требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, хотя за недекларирование имущества было предусмотрено наказание, и на заявителя был наложен штраф за представление ложных сведений в декларации. Европейский Суд отметил, что в отношении заявителя не было возбуждено и не предполагалось возбуждения уголовного дела, а того факта, что заявитель, возможно, солгал с целью того, чтобы налоговые органы не смогли обнаружить действия, которые могли привести к его уголовному преследованию, было недостаточно, чтобы стала действовать привилегия против самообвинения (см. решение Европейского Суда по делу «Аллен против Соединенного Королевства», жалоба № 76574/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VIII).

Вообще говоря, обязанности по информированию властей являются общей чертой правовых систем государств — членом Совета Европы и могут касаться широкого ряда различных областей (см., например, относительно обязанности раскрывать личную информацию сотрудникам полиции в определенных обстоятельствах постановление Европейского Суда от 23 сентября 2003 г. по делу «Василева против Дании» [*Vasileva v. Denmark*], жалоба № 52792/99, § 34).

Более того, Европейский Суд признаёт, что право не давать показания и право не свидетельствовать против самого себя не являются абсолютными; поэтому, например, признание определенных обстоятельств установленными на основании молчания обвиняемого может быть признано допустимым в качестве доказательства (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 47, со ссылкой на упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», с. 49, § 47).

Учитывая тесную связь между правом не свидетельствовать против самого себя и презумпцией невиновности, важно также напомнить, что пункт 2 статьи 6 Конвенции не запрещает, в принципе, использование презумпций в уголовном процессе (см. постановление Европейского Суда от 7 октября 1988 г. по делу «Салабиакю против Франции» [*Salabiaku v. France*], Серия «А», № 141-А, с. 15, § 28; постановление Европейского Суда от 8 апреля 2004 г. по делу «Ве против Австрии», жалоба № 38544/97).

К этому изложению можно добавить еще несколько норм:

В постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йалло против Германии» Суд использовал, как

представляется, полностью новый подход к вопросу о самообвинении. Суд впервые рассмотрел следующие факторы: (а) природа и степень принуждения, использованного для получения доказательств; (b) весомость публичного интереса в расследовании соответствующего преступления и наказания за его совершение; (с) существование каких-либо имеющих отношение к делу процессуальных гарантий; (d) и то, каким образом были использованы полученные таким образом материалы (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иалло против Германии», жалоба № 54810/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ...).

Общие требования справедливости, содержащиеся в статье 6 Конвенции, включая право не свидетельствовать против самого себя, применимы к производству по уголовному делу по обвинению в любом преступлении без какого-либо различия — от самого простого до самого сложного. Публичный интерес не может служить оправданием для использования ответов, полученных в принудительном порядке в рамках внесудебного расследования, в целях доказывания вины обвиняемого в рамках судебного разбирательства (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сондерс против Соединенного Королевства», § 74).

Соображения безопасности и общественного порядка, на которые могут сослаться власти, не могут оправдать правовой нормы, которая разрушает саму суть права заявителя не давать показания и его права не свидетельствовать против самого себя, гарантируемых пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 58).

На мой взгляд, положения статьи 172 Закона 1988 года «О правилах дорожного движения» представляют собой отступление от принципа запрета на «принудительное самообвинение» и нарушение права не давать показания, а также могут рассматриваться как санкционированное законом принуждение соответствующих индивидуумов к даче показаний против себя. Более того, заявители по настоящему делу были в действительности подвергнуты санкционированному законом принуждению к даче инкриминирующих их показаний.

Крайне важно ответить на вопрос о том, была ли информация, которую заявители должны были предоставить следственным органам, действительно «самоинкриминирующей».

При сходных обстоятельствах по делу «Риг против Австрии» [*Rieg v. Austria*] (жалоба № 63207/00, постановление Европейского Суда от 24 марта 2005 г.) Первая Секция Суда указала:

«<...> Он был обязан предоставить информацию только в своем качестве зарегистрированного владельца автомобиля. Более того, он был обязан лишь сообщить простой факт — а именно, кто находился за рулем его автомобиля — который сам по себе не является инкриминирующим» (§ 54).

Лично я не могу согласиться с данным утверждением, так как не было предпринято никакой попытки определить значение слова «инкриминирующий» и того, чем оно отличается от слова «самоинкриминирующий». Тем не менее, не ответив на этот вопрос, невозможно абстрактно определить, являются ли те или иные показания инкриминирующими.

К сожалению, наша прецедентная практика не дает нам четкого определения этого понятия. С другой стороны, мы можем обнаружить некоторые признаки, которые

могут помочь нам такое определение создать. В постановлении по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» Европейский Суд указывает:

«... были явные случаи, когда протоколы использовались государственным обвинением, чтобы уличить заявителя в том, что он знал о платежах лицам, участвующим в операции по игре на повышение стоимости акций, и поставить тем самым под вопрос его честность. Они использовались также адвокатом соучастника заявителя для того, чтобы поставить под сомнение версию событий, предложенную заявителем (см. выше, пункт 32 настоящего постановления). В общем, имеющиеся в распоряжении Европейского Суда доказательства подтверждают, что зафиксированные в протоколах опросов ответы заявителя, независимо от того, носили ли они прямо характер самообвинения или нет, **были использованы в ходе судебного процесса таким образом, чтобы изобличить заявителя** (выделено мной).

Итак, на основании данного прецедента мы можем сделать вывод о том, что доказательство, предоставленное обвиняемым, которое было использовано или которое планируется использовать в целях установления его виновности в совершении уголовно наказуемого деяния, может считаться «самоинкриминирующим».

Я согласен с аргументом заявителей о том, что от них требовалось предоставление важнейшей информации, что должно было привести к их осуждению за вмененные им преступления.

Совершенно очевидно, что сообщение лицом того факта, что он находился за рулем превышающего установленную скорость автомобиля равносильно признанию в нарушении им скоростного режима.

Соответственно, заявители были принуждены властями государства-ответчика к совершению акта самообвинения.

Что касается «степени принуждения», я хотел бы привлечь внимание читателя к тому факту, что наказание, предусмотренное законодательством Соединенного Королевства за непредставление информации о лице, подозреваемом в совершении преступления, аналогично наказанию, предусмотренному за совершение самого этого преступления. Я нахожу эту «степень принуждения» несоизмеримо высокой.

На мой взгляд, в конкретных обстоятельствах настоящего дела принуждение обвиняемого к даче самообвиняющих показаний вопреки его воле под угрозой уголовного преследования может быть приравнено к такому принуждению, которое противоречит понятию справедливого судебного разбирательства и, соответственно, несовместимо со стандартами Конвенции.

Возвращаясь к заявителям, считаю необходимым упомянуть следующие соображения.

Что касается г-на О'Халлорана, я бы задался двумя вопросами: во-первых, было ли совершено нарушение правил дорожного движения, и во-вторых, было ли это нарушение совершено г-ном О'Халлораном? Хотя у государственного обвинения были доказательства, касающиеся его автомобиля, превысившего установленную скорость и — следовательно — касающиеся события правонарушения, вопрос о роли г-на Халлорана как обвиняемого не так прост. Государство-ответчик не предоставило каких-либо иных доказательств, касающихся обвиняемого, кроме показаний самого г-на О'Халлорана.

Из настоящего постановления (см. пункт 57) ясно, что эти показания были получены органами обвинения путем принуждения «прямого характера» — под угрозой

уголовных санкций — и что государственное обвинение было намерено использовать и в действительности использовало их для доказывания вины обвиняемого. Также очевидно, что у государственного обвинения не было никаких иных доказательств против заявителя как обвиняемого и что без его признания он не был бы осужден.

В постановлении по делу «Сондерс против Соединенного Королевства» Европейский Суд указал, что необходимо определить, был ли заявитель принужден к даче показаний и нарушило ли то, каким образом эти показания были использованы при рассмотрении судом его уголовного дела, основные принципы справедливого судебного разбирательства, закрепленные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, составным элементом которых является право не свидетельствовать против самого себя.

По настоящему делу я даю на оба эти вопроса утвердительный ответ. Да, г-н О'Халлоран был принужден к даче показаний; да, использование этих доказательств нарушило принципы фундаментальной справедливости, включая основные принципы справедливого судебного разбирательства.

В случае г-на Фрэнсиса ситуация немного иная. В отличие от первого заявителя, он решил воспользоваться своим правом не свидетельствовать против самого себя и отказался предоставить информацию. В результате он был наказан за отказ предоставить самообвиняющие доказательства. Если говорить проще — он был наказан за то, что он прибегнул к своему фундаментальному праву не свидетельствовать против самого себя.

Несмотря на эту разницу, я полагаю, что общий подход должен быть аналогичным тому, который был применен по отношению к первому заявителю.

Пытаясь объяснить отклонение от общих принципов, закрепленных Европейским Судом в его предшествующей прецедентной практике, государство-ответчик утверждает, среди прочего, что предоставляемые статьей 172 Закона 1988 года полномочия истребовать ответ на вопрос о том, кто находился за рулем автомобиля в момент предполагаемого нарушения правил дорожного движения, и использовать этот ответ как доказательство, либо осуществлять уголовное преследование лица, не предоставившего информацию, совместимы с требованиями статьи 6 Конвенции. По мнению государства-ответчика, существуют весьма уважительные причины для того, чтобы обязывать владельца раскрыть личность водителя: наказание за нарушения правил дорожного движения призвано предотвратить опасные деяния, подвергающие опасности граждан; предотвращение зависит от эффективного правоприменения; для полномочий, предусмотренных статьей 172 Закона 1988 года, нет очевидных эффективных альтернатив общего характера; без таких полномочий результативное расследование и судебное преследование нарушителей правил дорожного движения было бы невозможно (см. пункт 38 настоящего постановления).

На мой взгляд, этот аргумент со всей очевидностью основан на соображениях государственного курса. Это противоречит проанализированным выше нормам прецедентного права Европейского Суда, в соответствии с которыми «<...> соображения безопасности и общественного порядка, на которые могут ссылаться власти, не могут оправдать правовой нормы, которая разрушает саму суть права заявителя не давать показания и его права не свидетельствовать против самого себя, гарантируемых пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии», § 58).

Учитывая то, что в постановлении по делу «Йалло против Германии» Европейский Суд прямо указал, что тре-

бования справедливости применимы в равной степени ко всем категориям уголовных дел, мне очень сложно согласиться с тем, что законодательство Соединенного Королевства допускает отклонение от основных принципов справедливого судебного разбирательства для уголовного преследования за малозначительные правонарушения, которые не несут особенно серьезной угрозы для общества. Более того, если мы считаем мотивы государственного курса допустимым основанием для нарушения принципа запрета на принудительное самообвинение или презумпции невиновности для правонарушений, представляющих небольшую опасность, почему бы не использовать такой же подход для областей, где обеспокоенность общества более обоснованна, что могло бы оправдать отступление от абсолютного характера прав, гарантируемых статьей 6 Конвенции: терроризм, бандитизм, убийства, организованная преступность и иные по-настоящему опасные формы преступной деятельности?

Если публичный интерес в привлечении к ответственности тех, кто совершает незначительные правонарушения (превышающих установленную скорость или правила парковки), столь велик, что он оправдывает ограничения привилегии против самообвинения, какую же позицию следует занять, когда речь идет о серьезных преступлениях? Неужели публичный интерес в привлечении к ответственности лиц, совершающих преступления, которые стоят человеческих жизней, не так велик, как в привлечении к ответственности слегка превысивших установленную скорость?

С моей точки зрения нелогично, что лица, совершающие незначительные правонарушения, оказываются в менее благоприятном положении, чем те, кто совершает деяния, по-настоящему опасные для общества.

Я очень опасаясь, что если будут изыскиваться оправдания для отступлений от основных принципов современного уголовного процесса и от самой сути понятия справедливого судебного разбирательства со ссылками на соображения государственного курса, и если Европейский Суд начнет соглашаться с такими оправданиями, мы столкнемся с реальной угрозой европейскому публично-му порядку, который охраняет Конвенция.

Я понимаю аргументацию в защиту отступления от основных принципов справедливого судебного разбирательства в случае нарушений установленной скорости: такие правонарушения рассматриваются в рамках сотен тысяч, если не миллионов, дел, и государство не способно обеспечить соблюдение всех процессуальных гарантий при рассмотрении каждого из них. Повторяю: я понимаю эту аргументацию, но я не согласен с ней. По моему мнению, если запрет нарушается так часто, с этим запретом явно что-то не так. Это означает, что запрет не отражает насущной социальной потребности, учитывая, что такое большое количество людей решают нарушить его даже под угрозой уголовного преследования. А если это так, может быть, пришло время пересмотреть ограничения скорости и установить пределы, в большей степени отражающие потребности людей. В двадцать первом веке мы не можем заставлять людей ездить на велосипедах или начать бегать трусцой, вместо того, чтобы пользоваться благами, которые принесла наша цивилизация. Равным образом мне сложно согласиться с аргументом, что сотни тысяч превышающих скорость автомобилистов неправы, и только власти правы. Что власти, более того, могут спокойно нарушать фундаментальные права сотен тысяч своих граждан в области регулирования скорости движения автотранспорта. На мой взгляд, выражение «цель оправдывает средства» явно неприменимо к данной ситуации.

Я придерживаюсь следующей позиции. Я думаю, что в таких ситуациях любое государство, подписавшее Конвенцию, имеет лишь два варианта действий: либо осуществлять уголовное преследование правонарушителей в полном соответствии с требованиями статьи 6 Конвенции, либо, если это невозможно ввиду огромного количества нарушений, совершаемых населением, декриминализовать деяние, которое совершается так часто, что может считаться нормой, а не исключением. На мой взгляд, никакого «третьего пути» в сфере уголовной ответственности быть не должно.

И последнее, на чем бы я хотел остановиться. В конце пункта 57 постановления Суд приходит к следующему выводу:

«<...> те, кто принимают решение владеть или управлять автомобилем, берут на себя определенные обязанности и обязательства, составляющие часть регулятивного режима в отношении автотранспортных средств, а в законодательстве Соединенного Королевства к этим обязанностям относится обязанность — в случае наличия подозрений о совершении нарушений правил дорожного движения — сообщать властям данные о лице, управлявшем автотранспортным средством на момент такого нарушения <...>» (см. пункт 57 настоящего постановления).

Это еще один аргумент, с которым я не могу согласиться. По моему мнению, если государствам, подписавшим Конвенцию, будет позволено подвергнуть огромную часть своего населения такому «бланкетному» лишению его фундаментальных прав в сфере уголовного права и уголовного процесса, это будет противоречить букве и духу Конвенции.

Конечно — и никаких сомнений относительно этого возникать не должно — водители автомобилей обязаны соблюдать различные нормы в области регулирования дорожного движения. Однако, когда один из них подвергается уголовному преследованию, и его дело рассматривается судом, он должен быть защищен всеми гарантиями, предоставляемыми статьей 6 Конвенции, вне зависимости от того, насколько это тяжелое бремя.

Таковы причины, не позволяющие мне разделить позицию, занятую большинством судей при вынесении постановления по настоящему делу.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИЙЕРА

1. Я не согласен с мнением большинства судей о том, что не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.
2. Особое мнение судьи Павловского содержит много элементов, с которыми я полностью согласен. Тем не менее я решил написать собственное особое мнение. Это позволит мне высказаться относительно вопросов, которые не упомянуты в особом мнении судьи Павловского. Кроме того, это избавит меня от необходимости указывать, в чем я не согласен с его несогласием.
3. Я принимаю аргументацию государства-ответчика о том, что криминализация нарушений правил дорожного движения преследует цель предотвращения опасных деяний, которые могут нанести существенный вред и даже телесные повреждения гражданам, что предотвращение зависит от эффективного правоприменения и что у властей должны быть полномочия, позволяющие эффективно расследовать нарушения правил дорожного движения и преследовать за их совершение в судебном порядке. Также очевидно, что это касается всех стран, подписавших Конвенцию. Но я также согласен с

заявителями в том, что серьезная проблема, создаваемая ненадлежащим использованием автотранспортных средств, недостаточна для оправдания системы принуждения, которая разрушает суть прав, гарантируемых статьей 6 Конвенции.

4. Практика показывает, что для того, чтобы эффективно расследовать нарушения правил дорожного движения и преследовать за их совершение в судебном порядке без недопустимого ограничения права защиты, ряд государств, подписавших Конвенцию, использует различные законодательные механизмы, избегая ловушек, которые мы обсуждаем в связи с настоящим делом. Они, например, предусматривают признание установленными неблагоприятных для лица обстоятельств при отказе отвечать на вопросы или закрепленную законодательно, но опровергаемую презумпцию того факта, что зарегистрированный владелец автотранспортного средства находился за его рулем (см., например, решение Европейского Суда по правам человека от 19 октября 2004 г. по делу «Фалк против Нидерландов» [*Falk v. the Netherlands*], жалоба № 66273/01). Аргумент государства-ответчика о том, что «сам факт того, что того же в целом результата можно достичь иными законодательными средствами, говорит о том, что проблема заключается в вопросах соразмерности — а не в абсолютном характере прав, нарушаемых, по мнению заявителей, в случае прямого принуждения» (пункт 39 настоящего постановления), необоснован. Попросту говоря, если желаемый результат может быть достигнут способом, который и эффективен, и правилен, не следует выбирать неправильный способ, каким бы эффективным он ни был. По моему мнению, заявители обоснованно утверждают, что Соединенное Королевство избрало неверное правовое решение проблем, связанных с ненадлежащим использованием автотранспортных средств.

5. Хотя это и не сформулировано прямо в постановлении, большинство судей сочли, что нарушения пункта 1 статьи 6 в данном деле не было, потому что это дело касается «подразумеваемого согласия». В пункте 57 постановления большинство судей — процитировав мнение лорда Бингэма по делу «Браун против Стотт» и согласившись с ним — указывают, что «те, кто принимают решение владеть или управлять автомобилем, принимают на себя определенные обязанности и обязательства, составляющие часть регулятивного режима в отношении автотранспортных средств, а в законодательстве Соединенного Королевства к этим обязанностям относится обязанность — в случае наличия подозрений о совершении нарушений правил дорожного движения — сообщать властям данные о лице, управлявшем автотранспортным средством на момент такого нарушения». Я не согласен с этим мнением. Наша собственная прецедентная практика показывает, что от некоторых гарантируемых статьей 6 Конвенции прав можно отказаться, при условии, что это сделано недвусмысленно и явно. Но я искренне сомневаюсь, что большинство судей согласится с выводом, который неизбежен, если постановление по настоящему делу должно следовать за этой прецедентной практикой: в соответствии с британской системой, когда речь идет об установлении личности водителей автотранспортных средств, автоматически презюмируется, что все владельцы или водители автомобилей недвусмысленно и явно отказались от своего права не давать показания. Хочу прояснить: я согласен с тем, что водитель автомобиля может быть обязан иметь при себе водительское удостоверение и предъявлять его сотруднику полиции по первому требованию. Но, если воспользоваться еще одной цитатой из нормы прецедентного права Европейского Суда (пос-

тановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. «Сондерс против Соединенного Королевства»), водительское удостоверение «существует независимо от воли» соответствующего водителя. Водительское удостоверение можно прочесть, но губы его владельца могут оставаться сомкнутыми. В уголовно-процессуальном контексте реализация права не давать показания не должна быть сама по себе преступлением.

6. Цитируя мнение лорда Бингэма и соглашаясь с ним, большинство судей, как представляется, также разыграло карту «интересов общества» в форме довольно замысловатого нового критерия, который был впервые упомянут в пункте 117 (но не в пункте 101) постановления по делу «Йалло против Германии» для определения того, не было ли нарушено право не свидетельствовать против самого себя: «весомость публичного интереса в расследовании соответствующего преступления и наказании за его совершение». Более того, этот новый критерий несовместим со сложившимися по данному предмету нормами прецедентного права, в соответствии с которыми использование инкриминирующих показаний, полученных от обвиняемого путем принуждения таким образом, что разрушается сама суть права не давать показания, в принципе не может быть оправдано ссылкой на интересы общества, которым оно служит. Однако, как ни странно, в пункте 55, где устанавливаются критерии, на которых Суд основывает свой анализ «в свете принципов, установленных в постановлении Европейского Суда по делу “Йалло против Германии”», и с целью определить, не была ли разрушена суть права заявителей не давать показания и их привилегии против самообвинения», критерий публичных интересов вообще не упоминается: в нем упоминаются только остальные критерии, установленные в постановлении по делу «Йалло против Германии» (природа и степень принуждения, примененного для получения доказательства, наличие каких-либо процессуальных гарантий и использование полученных таким образом материалов).
7. Я признаю, что, в особенности с учетом этого нового критерия постановления по делу «Йалло против Германии», настоящее постановление может рассматриваться как правовое продолжение указанного постановления. Однако, по моему мнению, сегодняшнее постановление также показывает, что может случиться, если «весомос-

ти публичных интересов» будет позволено играть роль при принятии решения о том, должна ли обеспечиваться реализация права не давать показания.

Очевидно, что я не согласен с большинством судей в этом отношении. Поскольку в пунктах 35 и 36 настоящего постановления большинство судей согласилось с тем, что статья 6 Конвенции (в ее уголовно-процессуальном аспекте) применима по настоящему делу (что следует аргументации постановления Европейского Суда от 21 февраля 1984 г. по делу «Ёзтюрк против Германии» [*Öztürk v. Germany*], серия «А», № 73), оно, по моему мнению, должно было также признать, что право не давать показания должно соблюдаться. Однако это не так в рамках существующей в Соединенном Королевстве системы, так как статья 172 Закона «О правилах дорожного движения» предусматривает, что в случае, когда водитель автотранспортного средства подозревается в нарушении правил дорожного движения, зарегистрированный владелец этого автотранспортного средства (или любое иное лицо) должен предоставить информацию относительно личности водителя, даже если водителем был он сам, а зарегистрированный владелец, не предоставивший такую информацию, признаётся виновным в совершении преступления.

8. Общеизвестно, что у Европейского Суда имеется огромное количество нерассмотренных дел. Это привело, среди прочего, к появлению нового критерия приемлемости, который должен быть введен Протоколом № 14 к Конвенции (подпункт «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции в новой редакции) и применения которого, если можно так сказать, настоящее постановление ожидает для определенной категории дел. Если большинство судей решило бы недвусмысленно, что для того, чтобы направить усилия на настоящие базовые проблемы защиты прав человека, введение правила *de minimis non curat praetor*¹ в этот «Римский договор»² неизбежно, что означало бы пересмотр позиции, занятой Судом по делу «Ёзтюрк против Германии», и признание, что с этого момента рассмотрение дел о нарушениях правил дорожного движения не входит в сферу действия статьи 6 Конвенции, — в этом случае я мог бы согласиться с таким подходом. Но мое согласие с таким подходом зависело бы от предоставления гарантий от злоупотреблений — и не подразумеваемых, но явно выраженных.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы

¹ De minimis non curat praetor (лат.) — претор (судья) не занимается незначительными делами (примечание редакции).

² Здесь имеется в виду, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод была подписана в 1950 году в Риме (примечание редакции).